

ОТКАЗНИК

ОШИБКА

КЛАСС: ОТКАЗНИК

УРОВЕНЬ 0

ОШИБКА

КЛАСС: ОТКАЗНИК

УРОВЕНЬ 0

КСЕНИЯ У-ГО

Ксения У-Го

Отказник

«Автор»

2026

У-Го К.

Отказник / К. У-Го — «Автор», 2026

Кирилл Воронов — нулевой. Его интерфейс не работает, система не признаёт его игроком, а очередная чистка должна была стать последней. Но вместо смерти он получает класс «Отказник» — редчайшую аномалию, способную переписывать правила Эгиды. Сила, о которой он не просил. Способности, которых не должно существовать. И цена, о которой его не предупредили: каждое использование стирает из памяти что-то важное. Архитекторы охотятся за ним. Среди нулевых ходят слухи. А Кирилл должен решить: остаться в тени или рискнуть всем, чтобы добраться до правды, скрытой на последнем уровне.

Содержание

Глава 1. Трущобы	5
Глава 2. Чистка	12
Глава 3. Беглец	19
Глава 4. Первый квест	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ксения У-Го

Отказник

Глава 1. Трущобы

Серый свет сочился сквозь треснувший пластик окна, падая на стол, за которым сидел Кирилл. За окном, в ущелье между панельными домами, клубился туман — смесь выхлопов, испарений и вечной сырости. Небо над Периферией никогда не бывало чистым. С тех пор, как случился Великий Сбой в сорок втором, никто не помнил настоящего неба. Говорили, раньше оно было голубым, даже синим, а по ночам на нём зажигались звёзды — тысячи, миллионы маленьких огоньков. Кирилл не верил в это. Для него небо всегда было серым, как бетон, как стены его комнаты, как жизнь, в которой не было ни просвета, ни надежды.

Кирилл смотрел на свои руки. Грязные, с обломанными ногтями, в мелких порезах. Рабочие руки. Руки того, кто разбирает старые блоки питания на запчасти. Он делал это с четырнадцати лет, когда отец перестал возвращаться домой. Сначала были другие нулевые, которые платили кредитами за детали, потом — редкие заказы от перекупщиков из Среднего города, которые не гнушались иметь дело с теми, у кого нет уровня. Платили мало, но этого хватало, чтобы не умереть с голоду. Он перевёл взгляд на угол комнаты, где на ржавой вешалке висела его единственная куртка — стёганая, с выцветшей нашивкой «Архитекторы. Ремонтный корпус». Когда-то её носил отец. Теперь она была самым дорогим, что у него оставалось. Он надевал её только по особым случаям — или когда было особенно холодно. Сегодня было и то, и другое.

Он попытался вызвать интерфейс.

Мысленная команда — и перед глазами должно было появиться прозрачное окно с параметрами, уровнем, списком навыков. Так было у всех. Так работал мир уже полвека. Он помнил, как отец показывал ему свой интерфейс — тогда у того был двадцать третий уровень, неплохой для ремонтника, и несколько навыков, которые позволяли чинить почти любую технику. Кирилл смотрел на эти цифры и верил, что однажды у него будет так же. Но вместо привычных строк в воздухе повисла только пустота. Тёмная, холодная, немая. Она висела перед глазами, как напоминание о том, что он не такой, как все. Что он — ошибка.

— Чёрт, — выдохнул Кирилл. Он знал, что ничего не изменится. Уже десять лет, как его интерфейс перестал откликаться. В тот день, когда погиб отец, что-то сломалось в нейрочипе. Система «Эгида» больше не признавала его игроком. Он стал «нулевым». Тем, у кого нет уровня, нет прав, нет будущего. Иногда он думал, что это было наказанием. За то, что не смог спасти отца. За то, что остался жив, когда тот погиб.

Снаружи слышались шаги. Кто-то шлёпал по мокрому асфальту, шуршал пакетами, кашлял — надрывно, с хрипом. Кирилл не стал оборачиваться. Это соседка, тётя Зина, которая каждое утро тащила с рынка просрочку. Она тоже была нулевой, но её чип хотя бы показывал уровень — жалкие три единицы, без единого навыка. Эгида считала её «биомассой», и только. Она не жаловалась. Она вообще никогда не жаловалась, только кашляла и таскала свои пакеты, и иногда, когда ей особенно не везло, плакала по ночам — тихо, чтобы никто не слышал.

Раздался стук в дверь. Даже не стук — условный сигнал: три коротких, два длинных. Свой. Кирилл не ждал гостей, но этот сигнал знал с детства. Так стучал Леха, когда хотел что-то предложить — обычно что-то незаконное, иногда опасное, всегда отчаянное.

— Входи, — сказал Кирилл, не поднимая головы.

Дверь открылась, и в комнату ввалился Леха. Коренастый, с квадратной челюстью и вечно опухшими глазами. Он носил старую спецовку, перепачканную мазутом. Леха был нуле-

вым, как и все здесь, но он не сдавался. Каждый месяц придумывал новую авантюру, каждый раз рисковал, и каждый раз ему везло. Пока везло.

— Живой? — спросил Леха, плюхаясь на табурет. Тот жалобно скрипнул, но выдержал.

— Пока да, — ответил Кирилл.

— Хорошо. А то я думал, вчерашняя чистка до вас добралась.

Кирилл поморщился. Чистка. Красивое слово для того, что Архитекторы делали раз в квартал: отлавливали нулевых, проверяли их уровень, и тех, у кого параметры застыли, отправляли в переработку. Официально — «деактивация неэффективных элементов». Неофициально — убийство тех, кто не может прокачаться. Убийство тех, кто родился не в том месте, не с теми генами, не с тем чипом. Архитекторы называли это оптимизацией. Нулевые называли это смертью.

— У нас в квартале восьмерых забрали, — продолжил Леха, понижая голос. — Старика Григория, который в двадцатой квартире жил. Семью с третьего этажа — мать с дочкой, девочке всего пять было. И ещё девчонку, которая за хлебом ходила. Рыжую.

— Алису? — Кирилл напрягся. Он не знал её хорошо, но она была из тех, кто ещё не потерял надежду. Она ходила с прямой спиной, не сутулилась, как остальные нулевые, и смотрела людям в глаза. Это было опасно. Это привлекало внимание.

— Не, Алиса жива. Я её сегодня утром видел, она к складу побежала. — Леха помолчал, потом добавил: — Ты бы тоже не сидел на месте. В любой момент могут прийти.

— Куда мне идти? — Кирилл обвёл рукой комнату. Стол, стул, кровать с продавленным матрасом, старый холодильник, который гудел через раз, и стены, покрытые пятнами сырости. — У меня даже интерфейса нет. Я для них — пустое место. Может, и не заметят.

— Заметят. — Леха подался вперёд, понизил голос до шёпота. — Слушай, есть разговор.

Он оглянулся на дверь, будто кто-то мог подслушивать, хотя в доме, кроме них, жили только такие же нулевые, которые думали лишь о том, как дожить до вечера. Стены здесь были тонкими, и если кто-то плакал, это слышали все. Но никто никогда не жаловался. Жалобы не имели смысла.

— На складе «Архитекторов» в седьмом секторе видели свет, — сказал Леха. — Там что-то везут. Артефакты, говорят. Если разживёмся одним, можно будет обменять на кредиты или даже на чип.

— Обокрасть Архитекторов? — Кирилл усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Ты в своём уме?

— А что нам терять? — Леха сжал кулаки. — Ты посмотри на нас: нулевые, без навыков, без прав. Чистка каждый год нас выкашивает. Может, нам повезёт?

— Может, нас просто убьют.

— И так убьют. — Леха посмотрел ему в глаза. — Рано или поздно. Всех убьют. Хочешь содохнуть в этой дыре, как старик Григорий? Или попробовать вырваться?

Кирилл замолчал. Леха был прав. Нулевым не давали дожить до старости. Система считала их балластом, и Архитекторы исправно чистили ряды. Если бы не подпольные схроны и такие же отчаянные, как Леха, их бы уже давно всех переработали. Но даже схроны не спасали. Архитекторы находили их один за другим.

— Кто ещё? — спросил Кирилл.

— Пока только я. — Леха откинулся на спинку стула. — Но можно позвать Алису. У неё интуиция — она чувствует опасность. Без неё на такое дело не сунуться.

— Алиса не пойдёт.

— Почему?

— Она не дура. Рисковать единственным, что у неё есть, ради сомнительной удачи — это не её метод.

— А твой? — Леха прищурился.

Кирилл не ответил. Он встал из-за стола, подошёл к окну. Внизу, в тумане, двигались фигуры. Нулевые спешили по своим делам, стараясь не попадаться на глаза патрулям. Женщины тащили вёдра с водой из колонки, мужчины переругивались у покосившегося гаража, дети играли в мяч на разбитой асфальтовой площадке. И над всем этим висела давящая тишина — та, которая бывает, когда люди знают, что в любой момент могут прийти и забрать кого-то из них. Вдалеке, за сеткой колючей проволоки, начинался Средний город. Там были чистые улицы, яркая подсветка, магазины с едой, которую нулевые видели только на картинках, и люди с уровнями выше тридцатого. Они не знали, что такое чистка. Они даже не думали о ней.

— Где встреча? — спросил Кирилл, не оборачиваясь.

— В шесть, у старого моста. Если надумаешь — приходи.

Леха поднялся, хлопнул его по плечу и вышел, тихо прикрыв дверь. Его шаги застучали по лестнице, потом стихли.

Кирилл остался один. Он снова попытался вызвать интерфейс. Мысленно сконцентрировался, ожидая хотя бы отблеска системы, хотя бы намёка на то, что он всё ещё часть этого мира. Но перед глазами была только пыльная комната, туман за окном и серость. Ни окон, ни уровней, ни навыков. Только он и его пустота.

— Эгида, — прошептал он. — Ты меня слышишь?

Тишина. Даже стены, казалось, затаили дыхание.

В углу, на полу, валялся старый планшет. Когда-то он показывал базовые сведения о системе, но давно разрядился, и зарядки в трущобах не было. Кирилл подошёл, поднял его. Экран был треснут, пластик поцарапан, но на нём ещё можно было разобрать старую заставку: логотип Эгиды — щит, увенчанный короной, и девиз: «Защита. Порядок. Развитие». Он смотрел на эти слова и чувствовал, как внутри поднимается что-то горькое. Защита. От кого? Порядок. Для кого? Развитие. Куда?

Он швырнул планшет в угол. Пластик хрустнул, но не разбился. В этом доме ничего не разбивалось. Даже надежда.

За стеной послышался кашель — тётя Зина, видимо, разогревала вчерашнюю баланду. Кирилл вспомнил, что сам не ел со вчерашнего дня. В холодильнике, который работал через раз, было две банки тушёнки и хлеб, начавший покрываться плесенью. Он отрезал горбушку, счистил зелёные пятна ножом и съел, запивая водой из-под крана. Вода пахла ржавчиной и хлоркой, но выбора не было. Он пил медленно, чувствуя, как вода стекает по горлу, оставляя металлический привкус.

Потом он надел куртку — ту самую, отцовскую. Она была велика ему, рукава приходилось закатывать, но внутри было тепло. Тепло, которое отец оставил ему. Единственное, что осталось.

Он вышел.

Лестница пропахла мочой и сыростью. Стены были покрыты слоем плесени, которая в свете тусклой лампы казалась живой, пульсирующей. На площадке второго этажа сидел подросток, тощий, с бритой головой, и пытался зажечь окурок. Его руки дрожали, спичка ломалась, он ругался сквозь зубы.

— Здорово, Кирилл, — сказал он, не глядя. — Слышал, у вас вчера были?

— Были.

— Забирали кого?

— Восьмерых.

— У нас троих. Мать с дочкой и парня, который в девятом подъезде жил. Смешной такой, всё говорил, что у него уровень вот-вот поднимется.

— И что?

— А ничего. Не поднялся.

Подросток наконец закурил, глубоко затянулся. Дым смешался с запахом сырости, и Кирилл почувствовал, как защипало в носу.

— Ты иди, — сказал подросток. — Не стой тут. Патрули сегодня злые.

Кирилл спустился вниз, вышел во двор.

Периферия просыпалась. Женщины тащили вёдра с водой из колонки, мужчины переругивались у покосившегося гаража, дети играли в мяч на разбитой асфальтовой площадке. Кто-то выносил мусор, кто-то тащил дрова, кто-то просто стоял и смотрел в одну точку, как будто ждал, когда всё это кончится. Но всё не кончалось.

Кирилл двинулся к мосту. Не потому, что решил идти с Лехой, а потому, что больше идти было некуда.

Он шёл и смотрел по сторонам. Вот старуха, сидящая на ящике, с пустым взглядом — у неё интерфейс показывал уровень два, и она давно перестала надеяться. Вот мужчина лет тридцати, с трясущимися руками, у которого на предплечье был выжжен значок — когда-то он был в D-ранге, но потерял всё, и теперь бродил среди нулевых, как живой мертвец. Вот группа подростков, которые что-то горячо обсуждали — у них ещё теплилась надежда, что уровень поднимется, что они вырвутся, что однажды они увидят чистое небо.

Кирилл знал, что это иллюзия. Без доступа к инстансам, без учителей, без системы наставничества нулевые обречены. Их уровень либо застывает на месте, либо растёт так медленно, что чистка настигает быстрее. Он видел это сотни раз. И всё равно не мог перестать надеяться. Глупо, но не мог.

Он дошёл до моста. Старая конструкция, переброшенная через канал, по которому когда-то ходили баржи. Теперь канал зарос тиной, вода в нём была чёрной, маслянистой, и пахла тухлыми яйцами. Мост превратился в место встреч тех, кто не хотел, чтобы их видели. Здесь собирались контрабандисты, перекупщики, те, кто торговал информацией. И те, кто просто хотел рискнуть в последний раз.

Леха был уже там. С ним стояли двое: парень с длинными волосами, в кожанке, и девушка, закутанная в шарф так, что были видны только глаза. Кирилл узнал её — это была Алиса. Она стояла чуть поодаль, держась прямо, и смотрела на него спокойно, без страха.

— А ты говорил, она не пойдёт, — усмехнулся Леха.

— Передумала, — ответила Алиса. Голос у неё был тихий, но спокойный. — Интуиция говорит, что сегодня можно рискнуть. Но предупреждаю: если что-то пойдёт не так — мы уходим.

— У нас ничего не пойдёт не так, — хмыкнул парень в кожанке. — Я уже разведал. Склад седьмого сектора. Туда привезли контейнер с маркировкой «Класс А». Там могут быть артефакты восстановления.

— Откуда знаешь? — спросил Кирилл.

— Работаю грузчиком у них. Своими глазами видел. Охрана — два человека, оба D-ранга. Если подойти с тыла, можно вскрыть контейнер, пока они обход делают.

— А если заметят?

— Тогда бежим. Но у нас есть Алиса, она заранее почувствует.

Кирилл посмотрел на Алису. Она поймала его взгляд и чуть заметно кивнула. Между ними было негласное понимание: они оба знали, что это авантюра, но у них не было выбора. Чистка шла по кварталам, и рано или поздно она доберётся до них. До всех.

— Идём, — сказал Кирилл.

Они двинулись вдоль канала, держась теней. Справа тянулись заборы и глухие стены складов. Слева — мутная вода, в которой плавал мусор. Город здесь, на границе Периферии и Среднего кольца, был похож на зону отчуждения: глухо, пустынно, только изредка проезжали патрульные машины, их фары выхватывали из темноты куски ржавого металла, обрывки проводов, чьи-то брошенные вещи.

— Стой, — вдруг сказала Алиса, остановившись.

Все замерли.

— Что? — шёпотом спросил Леха.

— Не знаю... — Алиса закрыла глаза, прислушиваясь к себе. — Чувство. Сзади что-то не так.

Они обернулись. В тумане ничего не было видно. Но Кирилл тоже ощутил странное беспокойство. Может, заразился от Алисы, а может, просто нервы. В воздухе было что-то тяжёлое, давящее, как перед грозой.

— Подождём, — решил Кирилл. — Алиса, сколько?

— Минуту.

Они замерли. Тишина была плотной, как вата. Даже вода в канале, казалось, перестала журчать. Кирилл слышал только собственное сердцебиение — глухое, частое, как у загнанного зверя.

А потом тишину разорвал вой сирены.

— Патруль! — выдохнул парень в кожанке. — Откуда?!

— Бежим! — скомандовал Кирилл.

Они рванули вперёд, но впереди из тумана вынырнули две фигуры в бронежилетах с синими щитами на груди — символом Архитекторов. За спиной тоже послышался топот. Их загнали в ловушку.

— Попались, — сквозь зубы процедил Леха.

Кирилл огляделся. Слева — канал, справа — высокая стена склада, сзади и спереди — патрульные. Выхода не было.

— Сдавайтесь, — раздался усиленный динамиком голос. — Нулевые, вам некуда бежать.

— Зачем вы здесь? — крикнул Кирилл. — Мы ничего не сделали!

— Вы собрались для совершения преступления. Это зафиксировано системой. Приказ на задержание.

— Системой? — переспросил Кирилл. — У нас даже интерфейсов нет. Какая система?

Вместо ответа патрульные начали медленно сходить. Их шаги были синхронными, механическими, и от этого становилось ещё страшнее.

Алиса взяла Кирилла за руку. Её ладонь была ледяной, но он чувствовал, как она дрожит.

— Я не чувствую угрозы, — прошептала она. — Это странно. Интуиция молчит. Будто их здесь... нет.

— Как это — нет? — не понял Кирилл.

— Будто это не люди. Или не совсем люди.

Он посмотрел на приближающихся Архитекторов. Те двигались синхронно, механически. В их движениях было что-то неестественное, слишком плавное, слишком одинаковое. Как у машин.

— Автоматоны? — предположил Леха.

— Нет, — покачала головой Алиса. — Автоматоны проще. Это... другое.

Кирилл вдруг почувствовал, что его голова начинает кружиться. Перед глазами поплыли цветные пятна, звуки стали приглушёнными, далёкими. Он попытался сфокусироваться, но мир стал расплываться, как акварель под дождём. И сквозь этот туман он услышал только собственное дыхание — тяжёлое, прерывистое.

А потом в его сознании что-то щёлкнуло.

Впервые за десять лет перед ним вспыхнул интерфейс. Но он был странным — строки переливались, дрожали, некоторые символы были нечитаемы, и все они горели багровым, как кровь. В центре, красным по чёрному, горела надпись:

[ОШИБКА: КЛАСС НЕ ОПРЕДЕЛЁН]

[АКТИВАЦИЯ АВАРИЙНОГО ПРОТОКОЛА...]

[ОБНАРУЖЕНА АНОМАЛИЯ. ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ...]

— Что с тобой? — услышал Кирилл голос Алисы, но он доносился будто издалека, сквозь толщу воды.

Он хотел ответить, но не смог. Тело перестало слушаться. Перед глазами замелькали строки, одна за другой, и каждая пульсировала, как живая:

[СБОР ДАННЫХ...]

[АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ...]

[КЛАСС: ОТКАЗНИК — АКТИВИРОВАН]

В тот же миг его пронзила резкая боль — как будто кто-то вонзил иглу прямо в основание черепа и начал медленно проворачивать. Кирилл вскрикнул и упал на колени, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Кирилл! — Алиса попыталась его удержать, но её руки прошли сквозь его плечи. Или это ему показалось?

Патрульные остановились. Впервые их движения синхронно замерли. Они смотрели на Кирилла, и в их глазах — точнее, в тёмных провалах шлемов — что-то изменилось. Они не двигались, не говорили, просто смотрели. И в этом взгляде было что-то, от чего кровь стыла в жилах.

— Аномалия, — произнёс один из них голосом, похожим на синтезатор. — Код: 00-Отказник. Требуется захват.

— Бегите! — крикнул Кирилл, не понимая, к кому обращается.

Но Леха и парень в кожанке уже рванули назад, туда, откуда пришли. Алиса осталась. Она держала Кирилла за плечи, пытаясь поднять, её лицо было бледным, как мел, но глаза горели.

— Вставай! Слышишь?! Вставай!

Он встал. Не потому, что захотел, а потому что тело вдруг наполнилось энергией. Интерфейс больше не мерцал — он горел ровным, но искажённым светом. В углу зрения появилась строка:

[УРОВЕНЬ: 0 (???)]

[ПАРАМЕТРЫ: НЕ СТАБИЛЬНЫ]

[ДОСТУПНЫЕ НАВЫКИ: АНАЛИЗ УЯЗВИМОСТЕЙ]

Кирилл не понимал, что происходит, но когда первый патрульный протянул к нему руку, он сделал то, что подсказывал новый навык.

Он увидел.

Прямо на теле Архитектора вспыхнули красные линии — там, где броня была тоньше, где сочленения пластин давали слабину, где под шлемом угадывался разъём нейрочипа, не защищённый экраном. Он видел всё: каждую трещину, каждую слабость, каждую точку, где можно ударить, чтобы враг упал.

Кирилл ударил.

Кулак вошёл точно в красную метку. Патрульный пошатнулся, из его шлема посыпались искры, и он рухнул на землю, как сломанная кукла. Второй, не раздумывая, выбросил вперёд электрошокер, но Кирилл уже сместился — тело двигалось быстрее, чем он привык, быстрее, чем он думал. Удар ногой в колено — и второй охранник рухнул, забившись в судорогах.

— Что за... — выдохнул Леха, который всё же вернулся. Он стоял в пяти шагах, с открытым ртом, и смотрел на Кирилла как на привидение.

— Не знаю, — ответил Кирилл, глядя на свои руки. Они горели — не огнём, а странным багровым светом, который пульсировал в такт сердцу. — Но нам надо уходить. Быстро.

Он схватил Алису за руку, и они побежали. Позади раздавался вой сирены, но теперь он звучал иначе — тревожно, призывно, как сигнал к большой тревоге. Словно система поняла, что произошло что-то нештатное. Что-то, чего не должно было случиться.

Они бежали через дворы, перелезали через заборы, петляли между гаражами. Леха и парень в кожанке отстали, но Кирилл не мог остановиться — внутри него всё кипело, интерфейс мерцал, подкидывая новые строки:

[ОБНАРУЖЕНА НЕИЗВЕСТНАЯ СТРУКТУРА]

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: АКТИВАЦИЯ КЛАССА ТРЕБУЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ]

[ЦЕНА: ВОСПОМИНАНИЕ]

— Что значит «цена»? — прошептал он, но система не ответила.

Они выскочили к заброшенному зданию школы. Алиса, тяжело дыша, указала на пролом в стене. Кирилл затащил её внутрь, и они рухнули на пол, среди битого кирпича, ржавой арматуры и вековой пыли, которая поднялась облаком, заставляя кашлять.

Сирена осталась снаружи, постепенно затихая, но всё ещё слышная, как напоминание о том, что они в бегах.

— Ты как? — спросила Алиса, когда дыхание выровнялось.

— Не знаю, — честно ответил Кирилл. — У меня появился интерфейс. И какой-то навик. Я их... сломал.

— Я видела. Они не ожидали.

— Я тоже.

Он поднял руку. Костяшки были сбиты в кровь, но под слоем грязи он заметил странное свечение — едва заметное, словно под кожей горела лампочка. Свет пульсировал, то разгораясь, то затухая, и Кирилл чувствовал, как это свечение связано с чем-то внутри него, с тем новым, что проснулось.

— Что со мной происходит?

Алиса молчала. Её интуиция, возможно, уже подсказывала ответ, но она не спешила его озвучивать. Она просто смотрела на него, и в её глазах было что-то, чего он не видел раньше. Не страх. Не жалость. Понимание.

— Нам нужно найти убежище, — сказала она наконец. — Не здесь. Архитекторы будут искать.

— Где?

— Есть одно место. Заброшенное метро. Там спрячутся такие, как мы. Я знаю дорогу.

Кирилл кивнул. Он попытался убрать интерфейс, и на этот раз тот послушался — медленно, неохотно, но исчез, оставив после себя только лёгкое мерцание на периферии зрения.

Они выбрались через задний выход и углубились в лабиринт дворов, держась подальше от патрулей. Сзади всё ещё слышались сирены, но они становились тише, дальше.

Позади осталась Периферия. Впереди был неизвестный мир, в котором у Кирилла вдруг появился уровень. И класс. И враги, о существовании которых он даже не подозревал.

Он шёл и чувствовал, как внутри него разрастается странное, пугающее чувство. Это не была уверенность. Это была тревога. Потому что где-то в глубине сознания уже начало стираться одно воспоминание — то, которое он отдал за первый удар. Он пытался вспомнить, что это было, но находил только пустоту. Белую, холодную пустоту, которая росла с каждым шагом.

И он не мог вспомнить, что именно потерял.

Глава 2. Чистка

Заброшенное метро пахло плесенью, ржавчиной и чем-то сладковатым, от чего кружилась голова. Этот запах вьелся в бетон ещё пятьдесят лет назад, когда станцию закрыли после Великого Сбоя. Теперь здесь обитали крысы, грибок и те, кого система считала отбросами. Кирилл сидел на бетонном полу, прислонившись спиной к стене, покрытой мхом цвета запёкшейся крови, и пытался разобраться в том, что появилось в его голове. Вокруг было темно, только один фонарь — старый, на аккумуляторах — отбрасывал жёлтый круг света. В этом круге лежали окурки, пустые банки и чей-то рваный ботинок. Алиса сидела напротив, на ящике из-под патронов, молча наблюдала за ним. Её лицо было спокойным, но Кирилл чувствовал, что она напряжена. Всё тело Алисы было как струна, готовая лопнуть в любой момент.

Интерфейс не исчезал.

Он висел перед глазами, слегка подрагивая, как плохо настроенный голограф. Параметры прыгали, меняли значения, иногда превращались в иероглифы, которых Кирилл никогда не видел. В правом верхнем углу горела надпись: ****[УРОВЕНЬ: 0 (???)]****. Ниже — ****[КЛАСС: ОТКАЗНИК]****, и эта строка пульсировала багровым, словно предупреждение. Казалось, система сама не знает, как обращаться с ним, и просто показывает ошибку за ошибкой. Иногда всё поле интерфейса заливалось рябью, как старый телевизор, который ловит помехи, и тогда Кирилл чувствовал, как в голове начинается глухая, давящая боль.

— Ты уже час сидишь, смотришь в никуда, — раздался голос Алисы. Спокойный, ровный. Она умела ждать. Она умела молчать. Но сейчас в её голосе Кирилл уловил то, что не мог назвать — не страх, но что-то очень близкое к нему.

— Я пытаюсь понять, — ответил Кирилл, не отрывая взгляда от мерцающих строк. — Это... не как у всех. У нормальных людей там уровни, навыки, параметры. Чётко, стабильно. А у меня — каша. Цифры скачут, половина строк нечитаема. Иногда мне кажется, что я вижу что-то на другом языке.

— Покажи.

— Не могу. Это в голове.

— Опиши.

Он закрыл глаза. В темноте век интерфейс стал виднее — холодное свечение, похожее на свет старого монитора. Кирилл попытался сфокусироваться, мысленно «развернуть» панель, как это делали все игроки. Она подчинилась, но вместо чётких столбцов выдала очередную порцию ряби. Символы плыли, переворачивались, иногда складывались в слова, которые он мог прочитать, а иногда — в нечто совсем чуждое, похожее на язык, которого не существовало.

— Класс «Отказник», — начал он медленно, проговаривая каждое слово, чтобы не упустить. — Уровень... не определяется. Пишет «0» и три знака вопроса в скобках. Параметры... — он помолчал, пытаясь разглядеть то, что было за рябью. — Параметры вообще не фиксируются. Там просто пульсирующее пятно, как будто система не может их измерить. Навыки: «Анализ уязвимостей» — активен. Я уже использовал его у моста. И ещё что-то серое, заблокировано. Там написано: «Откроется после первой жертвы».

— Жертвы? — Алиса нахмурилась. Её брови сошлись на переносице, в глазах появилась та самая настороженность, которая, наверное, и была её интуицией. Она поджала губы, и Кирилл заметил, как её пальцы сжали край ящика, на котором она сидела.

— Я тоже не понял. Система сказала что-то про цену, когда я ударил того Архитектора. А потом... — он замолчал, пытаясь поймать ускользающее ощущение. Что-то было не так. Что-то важное выпало из памяти, оставив после себя дыру. Он знал, что там что-то было, но не мог вспомнить, что именно. Словно кто-то взял ластик и стёр кусок его жизни.

— Что?

— Я забыл что-то. Важное. Не могу вспомнить, что именно. Знаю, что было, но оно исчезло. Как дыра в памяти. Будто там, где должно быть воспоминание, теперь пустота. Ощущение, что я должен что-то помнить — лицо, имя, событие, — но нет. Ничего.

Алиса отложила нож, который до этого чистила, и подалась вперёд. Её глаза — тёмные, с золотистыми искрами, которые иногда вспыхивали в свете фонаря — смотрели на Кирилла с тревогой. Она редко проявляла эмоции, но сейчас напряжение чувствовалось в каждом её движении, в том, как она дышала, как её плечи были напряжены.

— Интуиция говорит, что это опасно, — сказала она тихо. — Твой класс — не просто баг. Это что-то другое. Он требует плату. И если ты продолжишь его использовать...

— Я знаю. Но выбора нет. Ты видела, что было у моста. Архитекторы назвали меня «код 00-Отказник». Они не просто хотели задержать — они шли именно за мной. Я для них что-то особенное.

— Может, нам уйти дальше. В глухие сектора, где система работает хуже. На юг, например. Там, говорят, есть общины, которые живут вне сети.

— Нет таких мест, — покачал головой Кирилл. — Эгида везде. Даже если чип не работает, она всё равно знает, где ты. Я чувствую это — она всегда где-то на заднем плане, даже когда интерфейс молчит.

В этот момент в глубине тоннеля раздался звук. Металлический скрежет, от которого по бетону побежали мурашки, и следом — шаги. Не один человек, несколько. Кто-то шёл, не скрываясь, и от этого становилось ещё страшнее. Кирилл вскочил, активируя «Анализ». Мир перевернулся: стены стали полупрозрачными, красные линии вспыхнули на трещинах, на скрытых пустотах за облицовкой, на ржавых рельсах, уходящих в темноту. Он видел всё, что было нестабильно, уязвимо, сломано. Но врагов не обнаружил. Живых — во всяком случае.

— Свои, — раздался голос из темноты, и Кирилл узнал его. Этот голос он слышал сотни раз на лестнице, во дворе, в тесных разговорах о том, как дожить до следующей чистки.

Из проёма, где когда-то был турникет, вывалился Леха. Его спецовка была порвана в трёх местах, на щеке запеклась кровь, правая штанина выше колена почернела от грязи. Он тяжело дышал и опирался на плечо парня в кожанке — Витька, как тот представился позже. Леха был бледен, его губы побелели, а глаза лихорадочно блестели.

— Живы, — выдохнул Леха, сползая на пол. — Еле ушли.

— Вас не поймали? — спросил Кирилл, помогая ему сесть поудобнее.

— Почти. Эти дроны... они везде. Мы спрятались в коллекторе, отсиделись. Но когда вылезли, увидели... — Леха замолчал, перевёл дыхание, и Кирилл заметил, как дрожат его руки. — Там такое творится.

— Что? — Алиса подала ему флягу с водой. Леха жадно глотнул, вода потекла по подбородку, смешиваясь с запёкшейся кровью.

— Чистка. Не плановая, не квартальная. Настоящая. Архитекторы объявили тотальную зачистку всех нулевых в трёх секторах — нашем, седьмом и девятом. С утра. Без предупреждения. Без проверок.

Кирилл почувствовал, как внутри всё сжалось. Он вспомнил лица соседей: тётю Зину, которая каждое утро тащила просрочку с рынка, её вечно кашляющий голос, её усталые руки; подростка с окурком, вечно сидевшего на лестнице, с его смешными историями о том, как он станет топ-игроком; мать с дочкой из девятого подъезда, которая ещё вчера угощала его пирожками, тёплыми, пахнущими корицей, которые он не ел уже много лет. Они даже не знали, что обречены. Они, наверное, спали, когда пришли дроны.

— Что значит «тотальная»? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Значит, что никого не будут проверять, — ответил Витька. Голос у него был хриплый, прокуренный, и пахло от него дешёвым табаком и потом. — Просто придут и уничтожат всех,

у кого уровень ниже десятого. Без разбора. Чтобы наверняка. Дроны-чистильщики обрабатывают кварталы квадрат за квадратом. Сжигают всё. Людей, дома, укрытия — всё.

— И люди?

— Кто успел — бежит. Кто не успел...

Витька не договорил. Кирилл подошёл к выходу из зала — туда, где тоннель уходил в сторону Периферии. Издалека доносился низкий гул. Не взрывы, нет. Это работали дроны. Ровный, методичный звук, от которого вибрировали стены. Система выжигала целые кварталы, не оставляя шансов. Он представил свой дом. Старую панельную пятиэтажку с облупившейся краской, проваленными ступенями на третьем этаже, вечно мокрым подвалом, где по ночам собирались крысы. И людей, которые там остались. Они не знали, что их имена уже вычеркнуты из базы Эгиды, что система больше не считает их даже биомассой.

— Надо вернуться, — сказал он, не оборачиваясь. Его голос прозвучал глухо, как из пустоты.

— Ты с ума сошёл? — Леха попытался встать, но зашипел от боли и снова сел, схватившись за бок. — Там чистка! Тебя они ищут в первую очередь! Ты слышал — «код 00-Отказник». Для них ты ценнее, чем все нулевые вместе взятые.

— Тем более надо. Если они ищут меня, значит, там, где я появился, они будут концентрировать силы. А значит, другим будет проще уйти.

— Это не логика, это самоубийство.

— Возможно. Но там люди. Мои соседи. Они ни в чём не виноваты.

— Виноваты, — горько усмехнулся Витька, достав из кармана смятую пачку дешёвых сигарет. — Они нулевые. Для Эгиды это уже преступление. Система не прощает тех, кто не может прокачаться.

— Я всё равно пойду. — Кирилл повернулся к Алисе. — Ты со мной?

Она молча встала и взяла нож. Легко, без лишних слов. За годы, что они знали друг друга, Кирилл привык к её манере: если решение принято, она не тратит время на уговоры. Она просто делает.

— Леха, оставайся здесь, — сказал Кирилл. — Залечи рану. Если мы не вернёмся через два часа — уходите в обходные тоннели, на юг. Там, говорят, есть община, которая прячется в старых бункерах.

— Да вы оба... — Леха махнул рукой, потом сплюнул на пол. — Ладно. Через два часа. Но если не придёте, я не буду вас ждать. У меня тоже есть шанс выжить, и я не собираюсь его терять.

— Не надо, — кивнул Кирилл.

Они с Алисой двинулись в тоннель, оставив Леху и Витьку в тусклом свете фонаря. За спиной ещё долго слышался кашель и тихие ругательства, а потом они стихли, и осталась только темнота и звук их шагов.

Периферия изменилась до неузнаваемости.

Когда они выбрались на поверхность через аварийный люк за старым гаражным кооперативом, мир, который Кирилл знал с детства, превратился в пепелище. Дома стояли, но окна были выбиты, стёкла плавилась от жара, стены покрылись копотью. Над кварталами висела серая пелена — не туман, а гарь. Горели мусорные баки, перевёрнутые машины, всё, что могло гореть. Воздух был тяжёлым, пахло горелым пластиком, палёной проводкой и чем-то сладковатым — тем самым запахом, который остаётся после работы термических излучателей. Кирилл закашлялся, и Алиса прижала рукав ко рту, чтобы дышать через ткань.

В небе кружили дроны. Не те, что они видели раньше — патрульные, с синими огнями. Эти были чёрными, с красными полосами на корпусе, размером с небольшую собаку. Они двигались ровными рядами, прочёсывая улицу за улицей, и каждые несколько секунд один из

них выпускал короткий луч вниз — туда, где могло быть укрытие. Земля после такого луча вспучивалась и покрывалась коркой спекшегося шлака. Кирилл видел, как один из лучей попал в подвал, где когда-то хранились овощи, и оттуда повалил дым.

— Чистильщики, — прошептала Алиса, прижимаясь к стене. — Они не просто ищут — они уничтожают всё, что может служить укрытием.

— Сканеры?

— Есть и сканеры. Они ищут чипы. Любой активный чип для них — цель.

— У меня чип неактивный.

— Но он есть. И твой класс генерирует аномальное излучение. Для них ты как маяк. Чем ближе ты к дрону, тем сильнее сигнал.

Они спрятались за обломком стены — когда-то здесь был ларек, теперь только груда арматуры и пластика. Рядом, на асфальте, лицом вниз лежала женщина. Кирилл узнал её — она жила этажом выше, торговала на рынке самодельными зарядками для старых планшетов. Её уровень был четыре. Теперь он не имел значения. Она не шевелилась, и под ней растекалась тёмная лужа. Кирилл смотрел на неё, и в голове билась одна мысль: она умерла, потому что он не смог её защитить. Он отвернулся.

— Нам нужно к моему дому, — сказал он, сверяясь с маршрутом в голове. — Там тётя Зина, и парень, который всегда курил на лестнице.

— Если они ещё живы.

— Узнаем.

Они двинулись перебежками, используя «Анализ» Кирилла, чтобы видеть зоны покрытия дронов. Навык работал лучше, чем он ожидал. Красные конусы — сектора обзора, линии сканирования, зоны поражения — всё это накладывалось на реальность, как карта поверх карты. Между красными пятнами оставались узкие коридоры, иногда шириной всего в метр, где можно было пройти незамеченными. Кирилл вёл Алису за руку, и каждый раз, когда конус приближался, они замирали, затаив дыхание.

Но чем ближе к дому, тем плотнее становилась сеть.

— Они специально уплотняют вокруг, — понял Кирилл, глядя, как конусы дронов перекрывают друг друга, оставляя всё меньше просветов. — Ищут меня. Или отрезают пути к отступлению. Загоняют в кольцо.

— Может, не стоит рисковать? — Алиса была спокойна, но Кирилл заметил, как её пальцы сжимают рукоятку ножа, как побелели костяшки. — Если они тебя поймают, всё было зря.

— Там люди. Я не могу их бросить.

Они пробрались во двор через дыру в заборе. Дом стоял, но первый этаж был разворочен — дрон-чистильщик прошёлся по стене, оставив рваную рану, сквозь которую была видна лестничная клетка. Стёкла в подъезде выбиты, дверь сорвана с петель. Кирилл вбежал внутрь. Лестница была завалена обломками штукатурки, пахло газом, гарью и чем-то ещё — знакомым, но неуловимым.

— Тётя Зина! — крикнул он, перепрыгивая через груды кирпичей. Голос эхом разнёсся по пустому подъезду, ударился в стены и затих.

Тишина.

Он поднялся на второй этаж. Дверь в квартиру соседки была открыта, сорвана с петель. Внутри — пусто. Стол перевернут, посуда разбита, старый телевизор валяется на полу, раздавленный. Но тела нет. Ни крови, ни следов борьбы — просто пустота и разгром. Кто-то искал здесь что-то очень тщательно.

— Успела уйти, — выдохнула Алиса, заглядывая в комнату. — Или её забрали.

— Если бы забрали, был бы порядок. Архитекторы не громят квартиры, когда забирают нулевых. Они просто приходят и уводят. А это... — Кирилл обвёл рукой разгром. — Это искали что-то.

— Тебя.

— Возможно.

Они поднялись на третий этаж. Здесь разрушений было меньше, но дверь в квартиру, где жил парень — тот самый, что постоянно курил на лестнице, — была приоткрыта. Изнутри доносился слабый стон. Кирилл толкнул дверь, и она со скрипом открылась. Парень сидел на полу в коридоре, прижавшись спиной к стене, и зажимал рукой рану на боку. Кровь текла сквозь пальцы, оставляя на полу тёмные пятна. Он был бледен, губы посинели, но глаза ещё смотрели осмысленно.

— Кирилл? — прошептал он, поднимая мутный взгляд. — Ты... ты зачем пришёл? Они за тобой охотятся.

— Знаю. Пойдём, надо выбираться.

— Не могу. — Парень мотнул головой, и его лицо исказилось от боли. — Нога сломана. И чип... они его заглушили. Я теперь вообще без интерфейса. Даже уровня не вижу.

Кирилл наклонился, подхватывая парня под руку. Тот был лёгким — кожа да кости, давно не ел нормально. Кирилл закинул его руку себе на плечо, придерживая за пояс. Парень застонал, но не отстранился.

— Алиса, прикрой.

Они спустились на первый этаж. Во дворе было тихо — подозрительно тихо. Дроны не гудели, патрульные не перекликались. Только ветер шуршал обгоревшими листьями, и где-то далеко слышался треск пожара.

— Не нравится мне это, — сказала Алиса, оглядываясь. — Слишком пусто.

— Давай к подворотне, там переход на соседнюю улицу.

Они вышли во двор, и в этот момент небо разрезал луч прожектора. Яркий, белый, он упёрся прямо в них, ослепив на секунду. Кирилл зажмурился, чувствуя, как глаза жжёт от света.

— Стоять! — раздался механический голос, усиленный динамиками. — Обнаружена аномалия. Код 00-Отказник. Немедленно прекратить сопротивление.

Из-за угла выкатился дрон — чёрный, с красными полосами. За ним, синхронно, как механические куклы, вышли два патрульных в синей броне. У одного был электрошокер, у другого — сетемёт, оружие для захвата живьём. Они двигались медленно, уверенно, как охотники, которые знают, что жертва никуда не денется.

— Беги! — крикнул Кирилл, толкая Алису с раненым в сторону подворотни. — Я их задержу!

— Кирилл, нет!

— Беги, кому сказал! Это я им нужен. Без меня вас не тронут.

Алиса секунду колебалась. Он видел её лицо — бледное, с широко открытыми глазами, на губах замерло слово, которое она не успела произнести. Потом, подхватив парня, она рванула к проходу между домами. Кирилл видел, как её фигура растворилась в темноте, и только тогда повернулся к дрону.

Тот завис в трёх метрах, нацелив на него излучатель. Внутри головы что-то щёлкнуло — интерфейс вспыхнул ярче, строки побежали быстрее:

[ОБНАРУЖЕНА УГРОЗА. УРОВЕНЬ: 4]

[АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ЗАВЕРШЁН]

[АКТИВИРОВАТЬ «ИСКАЖЕНИЕ»?]

[ЦЕНА: ВОСПОМИНАНИЕ]

Кирилл мысленно нажал «да». У него не было выбора.

Мир дёрнулся, как при падении. Цвета вывернулись наизнанку, звуки стали резкими, как разбитое стекло. Он смотрел на дрона и видел не металл и пластик, а линии кода, которые текли внутри него, связывая каждую деталь, каждый чип, каждый алгоритм. Миллионы строк, но «Анализ» показал ему главное — узел управления, тонкую нить, соединяющую дрон с сетью Архитекторов.

Он потянулся к этой нити — и изменил её.

Не физически. Он просто представил, что команда «атаковать» должна стать командой «атаковать ближайшую цель». И код подчинился. Это было странное чувство — управлять реальностью, как программой, которую можно переписать на ходу.

Дрон дёрнулся, издал пронзительный писк, развернулся на сто восемьдесят градусов и выпустил заряд прямо в патрульных. Те рухнули, сражённые собственным оружием, задымались, заискрились. Запахло палёной проводкой и чем-то ещё — тем самым сладковатым запахом, который Кирилл уже начинал узнавать.

Кирилл пошатнулся. Голова раскололась болью, как будто кто-то провёл раскалённым прутом по мозгу. Он попытался вспомнить имя парня, которого только что спасал, — но не смог. Имя исчезло. Лицо ещё оставалось, он видел его перед собой, но имени не было. Оно ушло, как вода сквозь пальцы. Он попытался вспомнить, как его звали. Сосед. Третий этаж. Курил на лестнице. Все звали его... как? Никак. Пустота. Он чувствовал, что там, где должно быть имя, теперь зияет чёрная дыра.

— Вот, значит, какая цена, — прошептал он, держась за голову.

Дрон, лишившись управления, закружился на месте, чиркнул лучом по стене и рухнул на асфальт, разбрызгивая искры. Но его сигнал тревоги уже ушёл в эфир. Кирилл услышал, как нарастает гул — ещё дроны, ещё патрульные. Целая стая, и все знают, где он.

Он побежал, но не за Алисой. Он побежал в другую сторону, к рынку, к пустырям, к старым складам — туда, где можно было петлять, прятаться, отводить угрозу от тех, кто остался в тоннелях.

Дворы, арки, разбитые улицы. Он бежал, задыхаясь, полагаясь на «Анализ», который показывал зоны обзора. Конусы сканеров становились всё плотнее, просветы между ними сужались. Он проскакивал в последний момент, иногда в метре от луча, чувствуя, как воздух нагревается от проходящего рядом излучения.

Но сеть сжималась.

Он выскочил на открытое пространство — бывшую рыночную площадь. Когда-то здесь торговали овощами, контрабандой, старыми чипами. Теперь площадь была пуста, выжжена, покрыта слоем сажки. И в центре её он замер.

Вокруг, по кругу, стояли патрульные. Десять, двадцать, больше. Их броня сверкала в свете прожекторов, а над головами роились дроны, создавая купол, из которого нельзя было выбраться. Ни одной щели, ни одного просвета. Кирилл понял, что его заманили. Сеть сжималась не случайно — его гнали именно сюда, на эту площадь, как зверя в загон. И он попался.

Из рядов вышел человек. Не в броне, а в чёрном костюме, с нашивкой Архитектора на груди — золотой щит на синем поле. Его лицо скрывала маска, но голос звучал спокойно, почти дружелюбно. Голос человека, который уверен, что всё идёт по плану.

— Кирилл Воронов. Код 00-Отказник. Ты даже не представляешь, как долго мы тебя ждали.

— Кто вы? — спросил Кирилл, оглядываясь в поисках выхода. Но выхода не было.

— Тот, кто даст тебе выбор. — Человек сделал шаг вперёд, разводя руки, словно демонстрируя добрые намерения. — Твои способности уникальны. Ты можешь стать ценным активом. Сдайся добровольно, и мы сохраним жизнь твоим друзьям. Нулевым, которые прячутся в тоннелях. Тем, кого ты только что отправил в подворотню. Тебе ведь важно, что с ними станет?

— Не трогайте их.

— Это зависит от тебя. Системе не нужны нулевые. Они — ошибка, которую можно исправить. Но ради такого экземпляра, как ты, мы готовы на уступки.

Кирилл сжал кулаки. Интерфейс пульсировал, предлагая снова активировать «Искажение», но он знал цену. Ещё одна жертва — и он забудет что-то ещё. Возможно, нечто важное. Возможно, себя. Или Алису. Или то, ради чего он вообще здесь оказался.

— Я не сдамся, — сказал он. Голос звучал твёрже, чем он ожидал.

— Жаль, — вздохнул человек в чёрном. — Тогда мы заберём тебя силой. Но знай: ты нужен нам живым. Поэтому постараемся не повредить. Немного боли — это нормально. Система так устроена.

Он взмахнул рукой, и дроны двинулись вперёд. Патрульные синхронно подняли оружие. Кирилл приготовился к последнему бою. Он знал, что не выстоит против двадцати обученных бойцов и роя дронов. Но он мог заставить их потратить время. Мог выиграть минуты для Алисы. Для тех, кто ждал в тоннелях.

Интерфейс вспыхнул последним предупреждением:

[АКТИВИРОВАТЬ «ИСКАЖЕНИЕ»?]

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: НЕОБРАТИМАЯ ПОТЕРЯ ПАМЯТИ]

[ВЫ УВЕРЕНЫ?]

— Да, — прошептал Кирилл, и мир снова дёрнулся.

Глава 3. Беглец

Площадь всё ещё дышала жаром. Кирилл лежал за грудой обгоревших ящиков, чувствуя, как нагретый асфальт прожигает одежду, и слушал, как стучит сердце где-то в горле. Небо над ним рассекали алые лучи дронов, прочёсывающих каждый метр. Свет скользил по обломкам, выхватывая из темноты очертания разрушенных ларьков, перевёрнутых машин, чьих-то брошенных вещей. Всё это он знал с детства — эти улицы, эти стены, этот запах гари, который теперь стал привычным. Но сегодня всё было иначе. Сегодня он был не просто нулевым, прячущимся от патруля. Сегодня он был целью.

Он боялся дышать. Каждый выдох казался слишком громким, каждый стук сердца — сигналом для сканеров. Интерфейс горел перед глазами, но теперь он научился не смотреть на него, держать на периферии. В углу зрения пульсировала строка:

[ИСКАЖЕНИЕ: ПЕРЕГРУЗКА, ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ 00:07:18]

Семь минут. Семь минут, чтобы прийти в себя после того, как он развернул дрона на патрульных. Он помнил, как это было: мир перевернулся, цвета выцвели до чёрно-белой гаммы, и он увидел нити кода — золотистые, пульсирующие, они тянулись от дрона к невидимому центру управления, как нити марионетки. Он просто потянул за одну из них, и кукла перестала слушаться хозяина. Это было похоже на то, как если бы он вдруг понял, что мир — это не просто мир, а огромная программа, которую можно переписать.

А потом пришла боль. Не физическая — другая. Будто кто-то провёл острым скальпелем по извилинам мозга и вырезал кусочек. Он не знал, какой именно. Просто почувствовал, что что-то ушло навсегда. Теперь, лежа на холодном асфальте, он пытался вспомнить, что именно потерял, но находил только пустоту. Как будто в голове открылась чёрная дыра, и он не знал, что в неё провалилось. Может быть, это было имя, может быть, лицо, может быть, какое-то событие, которое делало его тем, кто он есть.

— Найден аномальный сигнал, — раздался механический голос в динамике дрона. — Сектор 7-Б. Код 00-Отказник. Провожу зачистку.

Кирилл замер, чувствуя, как ледяной пот стекает по спине. Они знали, где он. Не видели, но сканеры засекали выброс энергии в момент использования «Искажения». Сейчас дроны прочёсывали площадь квадрат за квадратом, и через несколько минут его найдут. Он слышал, как они жужжат над головой, как их лучи скользят по земле, выжигая всё, что может служить укрытием.

Он приподнял голову, оглядываясь. Справа — глухая стена склада, покрытая граффити, слишком высокая, чтобы перелезть без навыка. На стене было написано что-то про Архитекторов и свободу, но краска давно облупилась, и буквы почти не читались. Слева — разбитая витрина продуктового магазина, за которой зиял чёрный провал. Осколки стекла блестели в свете прожекторов, как россыпь алмазов, и каждый осколок отражал алый луч, множа его, превращая пространство вокруг в паутину света. Позади — всё та же площадь, открытое пространство, где его расстреляют, как только он высунется. Выход был только вперёд, прямо в руки патрульным.

— Активировать протокол захвата, — голос дрона стал жёстче, металлическим. В этом голосе не было ничего человеческого — только холодная, безжалостная логика машины, которая выполняет приказ.

Кирилл принял решение. Он вскочил, не думая, чувствуя только прилив адреналина, и рванул к витрине. Тело двигалось быстрее, чем он привык, — наследие пробудившейся системы? Или просто страх, который разогнал кровь быстрее, чем когда-либо? Он перелетел через осколки, больно резанув ладонь, и влетел в тёмный зал. Кровь потекла по пальцам, но

он не чувствовал боли — только холод и темноту, которые приняли его, как вода принимает утопающего.

Сзади засвистели разряды. Патрульные открыли огонь, но не на поражение — он им нужен был живым. Энергетические шары с глухим шипением врезались в стены, оставляя чёрные подпалины, от которых пахло расплавленным бетоном. Этот запах был резким, едким, он забивал нос и горло, заставлял кашлять. Кирилл упал на пол, перекатился, вскочил. Глаза привыкали к темноте, выхватывая очертания пустых стеллажей, разбитых касс, перевёрнутых тележек. Когда-то здесь продавали еду, нормальную еду, которую нулевые видели только на картинках. Теперь здесь были только пыль, грязь и запах смерти.

В задней стене зиял пролом. Кто-то пробил дыру в бетоне, чтобы пробраться в подвал. Края были неровными, с торчащей арматурой, похожей на рёбра мертвого зверя. Кирилл нырнул туда, не разбирая дороги, чувствуя, как острые края раздирают куртку. Он слышал, как ткань рвётся, но не мог остановиться.

Подвал встретил его запахом гнили и сырости. Здесь когда-то хранили овощи — теперь на полу гнила рассыпанная картошка, смешанная с битым стеклом и мусором. Всё это превратилось в чёрную, липкую массу, которая хлюпала под ногами. Кирилл включил фонарик на старом планшете, который всё ещё был в кармане, и слабый жёлтый свет выхватил бетонные стены, покрытые плесенью, трубы, идущие вдоль потолка, и железную дверь в дальнем конце. Плесень была everywhere — на стенах, на потолке, даже на дверях. Она пахла сыростью и чем-то сладковатым, что вызывало тошноту.

За дверью оказался технический коридор. Узкий, с низким потолком, он уходил в темноту, и где-то далеко, в глубине, слышалось мерное капание воды. Кирилл двинулся по нему, стараясь ступать бесшумно. Под ногами хлюпала жижа, стены были влажными, покрытыми ржавыми разводами. Вода капала с потолка, попадала на лицо, смешиваясь с потом и кровью. Он вытирал её рукавом и шёл дальше.

Сзади послышались голоса. Патрульные вошли в магазин, их броня гулко стучала по плитке. Они переговаривались, но слов было не разобрать — только металлические, искажённые динамиками звуки. Они найдут пролом через минуту. Кирилл ускорил шаг, почти побежал, не разбирая дороги. Ноги скользили по мокрому полу, он несколько раз падал, но каждый раз вставал и бежал дальше.

Коридор разветвлялся. Он сворачивал налево, потом направо, потом снова налево, стараясь запутать след. Воздух становился всё более спёртым, пахло ржавчиной, стоячей водой и чем-то сладковатым — тем самым запахом, который он начал узнавать. Смерть. Она въелась в эти стены ещё полвека назад, когда здесь закрыли станцию, и теперь ничто не могло её вытравить. Кирилл чувствовал её кожей, ноздрями, каждым вдохом.

Через несколько минут он вывалился в просторный зал. Здесь, судя по остаткам плитки, ржавым рельсам и облупившейся табличке на стене, когда-то была станция метро. «Периферийная» — едва разобрал он выцветшие буквы. Буквы были выбиты на мраморе, но мрамор потрескался, и надпись читалась с трудом. Ветка, закрытая после Великого Сбоя, куда даже Архитекторы не совались. Слишком глубоко, слишком много помех. Говорили, что здесь можно спрятаться от системы, что сигнал сюда не доходит. Кирилл надеялся, что это правда.

Кирилл прислонился к стене, чувствуя, как холодный камень приникает к разгорячённой спине. Дыхание вырывалось со свистом, ноги дрожали от перенапряжения, мышцы горели. Он закрыл глаза на секунду, пытаясь унять сердцебиение. Тишина стояла такая, что казалось, слышно, как кровь течёт по венам. Где-то далеко капала вода, и этот звук был единственным, кроме его дыхания.

Интерфейс мерцал на периферии, показывая, что «Искажение» восстановилось, но Кирилл не решался его использовать. Слишком высокая цена. Он провёл рукой по лицу, пытаясь понять, что именно потерял. Имя? Лицо? Событие? Пустота. Он знал, что там что-то было,

что-то важное, но не мог вспомнить. Только смутное ощущение утраты, как будто он стоял на краю обрыва и смотрел в пропасть, не видя дна. Он попытался представить что-нибудь из прошлого — лицо матери, голос отца, — но всё было покрыто пеленой, как старые фотографии, которые выцвели на солнце.

Из темноты тоннеля донёсся звук. Кирилл мгновенно напрягся, активируя «Анализ» — коротко, на секунду, чтобы не тратить память. Красные линии вспыхнули, выхватив из темноты человеческий силуэт. Один. Без оружия. Шаркающие шаги, кашель, запах старой одежды и дешёвого табака. Человек не скрывался, но и не приближался. Он ждал.

— Выходи, — сказал он негромко. — Я знаю, что ты там.

Из-за колонны показалась фигура. Человек был стар, лет шестидесяти, с седой щетиной на впалых щеках, закутан в потрёпанное пальто, перетянутое ремнём. Глаза — усталые, но живые — смотрели на Кирилла с любопытством и осторожностью. В одной руке он держал палку, на которую опирался, в другой — старый фонарь, который почти не горел. Он стоял, не приближаясь, и ждал.

— Не стреляй, — прошептал он, поднимая пустые руки. — Я свой.

— Кто ты?

— Меня зовут Игнат. Здесь прячусь. И не я один. — Он оглянулся в темноту, откуда доносились едва слышные звуки — шорохи, кашель, детский плач. — Ты, видать, тот, кого они ищут. Слышали шум наверху. Чистка, потом тревога. Они кричали про аномалию. Про код 00-Отказник.

— Я не аномалия.

— Для них — аномалия, — старик усмехнулся, обнажив шербатые зубы. — Для нас, может, надежда. Пойдём, покажу, где можно пересидеть. Здесь они не сунутся, система в этих тоннелях почти не работает. Помехи, старые сети, всякое.

Кирилл колебался секунду. Он всё ещё чувствовал напряжение в теле, готовность бежать, драться. Но выбора не было. На поверхности его ждали дроны, патрульные, чистка. Он кивнул и пошёл за Игнатом.

Старик двигался медленно, шаркая, но уверенно, как человек, знающий каждый поворот. Они углубились в боковой тоннель, где воздух стал ещё тяжелее, пропитанный запахом сырости и тлена. Стены покрывал бурый налёт, с потолка свисали длинные космы плесени, и когда Кирилл задевал их, в лицо летела мелкая пыльца. Он чихал, вытирал лицо рукавом и шёл дальше. В темноте то и дело слышался писк крыс — они шуршали в углах, перебежали дорогу, не боясь людей.

Через сотню шагов тоннель расширился, и они вышли на заброшенную платформу. Это была старая станция, давно забытая системой. Плитка на полу растрескалась, из щелей лезла трава — откуда здесь, под землёй, брался свет, чтобы она росла? Рельсы уходили в темноту, покрытые ржавчиной и чьими-то старыми вещами. В воздухе стоял запах дыма — кто-то жёг костёр.

В нише за ржавыми торговыми автоматами горел маленький костёр. Дым уходил в вентиляционную шахту, едва заметную в высоком потолке, и там, наверху, смешивался с туманом, становясь невидимым. Пламя отбрасывало тени на лица людей, сидящих вокруг. Они жались к огню, как к последнему источнику тепла.

Их было пятеро. Двое мужчин — один с татуировкой на шее, вышедшей из моды ещё до Сбоя, второй — тощий, с впалой грудью, постоянно кашляющий. Женщина с ребёнком на руках — девочкой лет трёх, которая спала, прижавшись к материнской груди. Подросток с бритым затылком, в грязной футболке, которая висела на нём мешком, смотрел на Кирилла с вызовом. Все они были худыми, бледными, с тёмными кругами под глазами. Все они были нулевыми.

Все они подняли головы, когда вошли.

— Ещё один, — сказал Игнат, опускаясь на ящик. — Тот самый, из-за кого весь сыр-бор. Мужчина с татуировкой хмыкнул, откинувшись на стену.

— Отказник, значит. Слышали легенды. Думали, сказки.

— Какие легенды? — спросил Кирилл, садясь на ржавую рельсу. Металл был холодным, но он чувствовал, как тепло от костра постепенно пробирается под одежду. Он протянул руки к огню, и пальцы начали отогреваться.

— Говорят, раз в сто лет система рождает того, кто может её сломать, — ответила женщина, не поднимая головы. Она баюкала ребёнка, и её голос звучал ровно, будто она рассказывала старую, давно выученную историю. — Кого-то, кто не подчиняется правилам, кто может видеть то, что скрыто. Мы думали, это байки, чтобы нулевые не теряли надежду. Но вот ты здесь.

— Я не собираюсь ничего ломать, — сказал Кирилл. — Я просто хочу выжить.

— Выжить, — усмехнулся парень с бритым затылком. Он сидел, обхватив колени руками, и смотрел на Кирилла немигающим взглядом. — Теперь ты для них главная цель. Они будут искать, пока не найдут. И всех, кто с тобой, — тоже.

— Поэтому я не прошу вас о помощи. Отдохну и уйду.

— Куда? — спросил Игнат. — Наверх? Там тебя уже ждут.

— Есть другие тоннели. Я найду выход.

— Тоннели ведут в тупики, — сказала женщина, наконец поднимая глаза. У неё было измождённое лицо, тёмные круги под глазами, но взгляд — ясный, спокойный. — Или в другие сектора, где чистка уже прошла. Там тоже пусто. Или хуже — там уже никто не живёт.

Кирилл замолчал, глядя на огонь. Пламя лизало ржавую железку, на которой стояла закопчённая кружка. Дрожащий свет падал на лица людей, делая их старше, чем они были на самом деле. Женщина с ребёнком, мужчина с татуировкой, подросток, старик — все они смотрели на него, и в их глазах было что-то, чего он не ожидал увидеть у нулевых. Надежда. Они смотрели на него так, будто он мог их спасти.

Он перевёл взгляд на свои руки. Они больше не светились, но он знал, что сила никуда не делась. Она ждала внутри, как зверь в клетке, и стоило ему испугаться или разозлиться, как клетка распахнётся.

Интерфейс вдруг мигнул ярче, привлекая внимание. В углу загорелась новая строка:

[ОБНАРУЖЕНА БЛИЗКАЯ АНОМАЛИЯ]

Кирилл напрягся. Он уже понял, что «аномалия» в языке системы означала нечто, не поддающееся стандартному анализу. Обычно так обозначали его самого. Но сейчас система предупреждала о чём-то другом. Он активировал «Анализ» и увидел, как в темноте тоннеля движется человеческий силуэт.

Из темноты тоннеля донеслись шаги. Лёгкие, уверенные, почти бесшумные. Все замерли. Мужчина с татуировкой схватил железный прут, лежавший рядом. Женщина прижала ребёнка к себе, закрывая собой. Подросток подался вперёд, готовый бежать.

Из темноты вышла девушка. Молодая, лет двадцати, с тёмными волосами, собранными в пучок. На ней была старая куртка, штаны, перепачканные грязью, но держалась она прямо, без обычной для нулевых сутулости. В руке — нож, но она не угрожала, просто держала наготове.

— Алиса? — удивился Игнат. — Ты как здесь?

— Через коллекторы, — ответила она, опуская нож. — Пришлось обходить патрули. Они всё ещё ищут.

— Кого?

— Его, — она посмотрела на Кирилла.

Кирилл взглянул в её лицо. Что-то было знакомое — может, он видел её в доме, на лестнице, во дворе. Она была из тех, кто не сутулится, кто смотрит прямо, и это запомнилось.

Но он не мог вспомнить точно. После потери, которая случилась сегодня, он боялся доверять своей памяти.

— Мы знакомы? — спросил он.

— Мы соседи, — она подошла ближе, села на ящик напротив, положив нож на колени.

— Я живу этажом выше. Ты меня раньше не замечал.

— Прости, у меня... — он замолчал, не зная, как объяснить пустоту в голове.

— Я знаю, — она кивнула, и в её глазах появилось понимание. — Я видела, как ты вырубил дрона. Как ты развернул его на патрульных. А потом побежал. Я пошла за тобой, но потеряла в переходах.

— Зачем?

— Потому что ты — единственный, кто может ответить на мои вопросы.

Она помолчала, глядя на огонь. Пламя отражалось в её глазах, делая их похожими на янтарь. Кирилл ждал.

— У меня навык «Интуиция», — сказала она. — Редкий, небоевой. Я чувствую, когда что-то важное происходит. Сегодня, когда началась чистка, я почувствовала, что мир изменился. Из-за тебя.

Кирилл смотрел на неё, пытаясь понять, не шутит ли она. Но в её словах не было фальши, и в глазах — ни страха, ни восхищения, только спокойная уверенность. Она говорила так, будто рассказывала о погоде — просто и естественно.

— Интуиция, — повторил он. — Ты поэтому пришла на склад? Леха говорил, что ты можешь чувствовать опасность.

— Да. Я чувствовала, что сегодня можно рискнуть. И не ошиблась.

— Но ты ушла, когда началась стрельба.

— Я увела раненого, — она кивнула в сторону подростка, который при этих словах отвёл взгляд. — Потом вернулась, но тебя уже окружили дроны. Я шла по следу.

— А теперь что?

— Теперь я хочу понять, что с тобой происходит. И помочь, если смогу.

Игнат покачал головой, потирая седую щетину.

— Опасная затея, девонька. Его ищут. Если найдут с тобой...

— Меня и так ищут, — Алиса пожалала плечами. — Я нулевая, как и вы. Чистка не разбирает, кто с кем.

Она перевела взгляд на Кирилла.

— Покажи свой интерфейс.

— Он не такой, как у всех.

— Я знаю. Покажи.

Кирилл сосредоточился. Интерфейс, который он научился скрывать, развернулся перед глазами по его воле. На этот раз он решил показать его Алисе, мысленно «вывел» наружу, чтобы она могла видеть.

Строки побежали по воздуху, мерцая багровым:

[КЛАСС: ОТКАЗНИК | УРОВЕНЬ: 0 (???)]

[ПАРАМЕТРЫ: НЕ СТАБИЛЬНЫ]

[НАВЫКИ: АНАЛИЗ УЯЗВИМОСТЕЙ (АКТИВЕН), ИСКАЖЕНИЕ (АКТИВЕН)]

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: НЕОБРАТИМАЯ ПОТЕРЯ ПАМЯТИ ЗАФИКСИРОВАНА]

Алиса изучала строки, не отрывая глаз. Она не понимала кода, но она видела, как он пульсирует, как меняется, как живёт своей жизнью.

— Ты потерял память, — сказала она. — Сколько?

— Два воспоминания, — ответил он. — Кажется. Первое — я не помню, что именно. Второе — лицо матери.

Она подняла взгляд, и он увидел в её глазах не жалость, а что-то другое. Понимание. Она знала, что такое терять.

— Ты можешь это контролировать?

— Не знаю. Навыки включаются сами, когда я в опасности. Или когда боюсь.

— Значит, нужно научиться их включать по желанию, — она откинулась на ящик, и её лицо на секунду исчезло в тени. — Интуиция говорит, что это возможно. Ты можешь управлять своей силой, если перестанешь её бояться.

— Легко сказать.

— Я не говорю, что легко. Я говорю, что возможно.

Женщина с ребёнком подала голос, тихий, уставший:

— У неё редкий дар. Если она говорит, что можно — значит, можно. Я здесь из-за неё. Она почувствовала чистку за два дня до начала. Мы успели уйти.

Кирилл посмотрел на Алису с новым интересом. Она была не просто нулевой, которая выживает. Она была кем-то, кто чувствует то, чего не видят другие.

— Ты всегда знаешь, что будет?

— Не всегда, — она покачала головой. — Это как... смутное ощущение. Что-то не так. Или, наоборот, что сейчас — правильный момент. Я не вижу будущего, я просто чувствую его краем сознания.

— И что ты чувствуешь сейчас?

Она помолчала, закрыла глаза. В свете костра её лицо казалось вырезанным из старого дерева — тонкое, с резкими скулами, с тёмными кругами под глазами. Когда она снова открыла глаза, в них было спокойствие.

— Что ты — не ошибка, — сказала она. — Система не просто так создала тебя. Ты — ответ. Возможность изменить правила.

— С чего ты взяла?

— Интуиция. И логика. Если бы ты был просто багом, они бы тебя уничтожили. Но они хотят захватить. Значит, ты им нужен. Значит, ты важен.

Кирилл откинулся на стену, чувствуя, как холод бетона проникает сквозь одежду. Он смотрел на огонь, на тени, пляшущие по стенам, на лица людей, которые смотрели на него с надеждой. Они верили в него, потому что им нужно было во что-то верить. Потому что если он не сможет ничего изменить, то их жертвы, их жизнь в этих тоннелях, их надежда — всё будет зря.

— Допустим, я не ошибка, — сказал он. — Что дальше?

— Дальше мы учимся пользоваться твоим даром без потерь, — ответила Алиса. — Или хотя бы с минимальными.

— Ты знаешь как?

— Нет. Но я чувствую, что это возможно. И я буду рядом, чтобы сказать, когда ты идёшь не туда.

— Опять интуиция?

— Да. И этого достаточно.

Она улыбнулась, и впервые за весь день Кирилл почувствовал, что напряжение немного отпускает. Не потому, что он поверил в себя, а потому, что рядом оказался человек, который не боялся его, не смотрел на него как на оружие или на угрозу. Просто был рядом.

Игнат, молчавший всё это время, встал, потирая поясницу.

— Если вы собрались здесь тренироваться, делайте это в дальнем тоннеле, — сказал он, кивнув в сторону чёрного провала за платформой. — Там система работает хуже всего, никто не засечёт. А мы прикроем, если что.

— Спасибо, — сказал Кирилл.

— Не благодари, — старик махнул рукой. — Если ты действительно Отказник, может, у нас у всех появится шанс. А пока — отдыхай. Завтра начнём.

Он вернулся к костру, оставив их вдвоём в полутьме.

— Ты уверена? — спросил Кирилл, когда они остались одни.

— В чём?

— Что я не ошибка.

— Я никогда не бываю уверена на сто процентов, — она посмотрела на огонь, и её лицо на секунду стало задумчивым. — Но интуиция подсказывает: ты — единственный, кто может изменить правила. Или хотя бы попытаться.

Кирилл посмотрел на свои руки. Они были грязными, с обломанными ногтями, в мелких порезах. Руки нулевого, который всю жизнь только и делал, что выживал. И вдруг этот нулевой стал тем, кого боятся Архитекторы, кого ищут дроны, на кого надеются изгои в подземелье.

— Завтра, — сказал он.

— Завтра, — повторила Алиса, и в её голосе прозвучало обещание.

Глава 4. Первый квест

Кирилл проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Резко, настойчиво, как тогда, в первый день, когда они оказались в этом подземелье. В лицо ударил тусклый свет — кто-то подбросил в костёр обломок старой доски, и пламя взметнулось, выхватив из темноты сводчатый потолок станции, ржавые рельсы, лица людей, сжавшихся в нишах. На секунду ему показалось, что он снова на поверхности, что сейчас услышит гул дронов и крики патрульных. Но потом он увидел Алису, которая сидела рядом, и понял, что они в безопасности.

— Вставай, — голос Алисы звучал тихо, но настойчиво. — Игнат сказал, что скоро дроны начнут прочёсывать верхние тоннели. У нас есть пара часов, пока они не спустились глубже.

Кирилл сел, потирая затекшую шею. Бетонный пол не способствовал здоровому сну, но он спал крепче, чем ожидал. Возможно, сказалося истощение после вчерашнего — после того, как он впервые использовал свою силу, после погони, после того, как они нашли убежище. Или то, что организм наконец перестал бороться с тем, что в нём проснулось. Он чувствовал это внутри — нечто, что ждало своего часа, как зверь в клетке.

Интерфейс встретил его привычным мерцанием. Он уже научился не обращать на него внимания, держать на периферии, как фоновый шум, как тихое жужжание, которое не мешает, но всегда здесь. Но сейчас, когда он сфокусировался, строки проявились чётче, словно система проверяла, готов ли он к новому дню:

[КЛАСС: ОТКАЗНИК | УРОВЕНЬ: 0 (???)]

[ПАРАМЕТРЫ: НЕ СТАБИЛЬНЫ]

[НАВЫКИ: АНАЛИЗ УЯЗВИМОСТЕЙ (АКТИВЕН), ИСКАЖЕНИЕ (АКТИВЕН)]

[ПОТЕРЯНО ВОСПОМИНАНИЙ: 2]

Два. Он помнил первое — лицо матери. Оно исчезло, как вода сквозь пальцы, оставив только ощущение тепла и пустоты. Он знал, что когда-то мог представить её улыбку, морщинки в уголках глаз, то, как она поправляла волосы, когда смеялась. Теперь он знал только, что она была. Второе он не мог назвать. Просто знал, что что-то ушло, но что именно — не помнил. Как будто в голове была дыра, и он не знал, что в неё провалилось. Может быть, это было имя, может быть, лицо, может быть, какое-то событие, которое делало его тем, кто он есть. Он пытался не думать об этом.

— Ты как? — спросила Алиса, протягивая ему кружку с тёплой водой. Её лицо было спокойным, но он заметил, как она смотрит на него — изучающе, внимательно.

— Живой, — он сделал глоток. Вода пахла дымом и ржавчиной, но это было лучше, чем ничего. Он пил медленно, чувствуя, как тепло разливается по груди.

— Игнат говорит, есть одно место. Заброшенные шахты в северном тоннеле. Раньше нулевые ходили туда на разведку, добывали артефакты, меняли на еду. Сейчас там почти никто не рискует — твари расплодились, система там глючит. Но для тебя это может быть... возможностью.

— Возможностью чего? — он поставил кружку на пол и посмотрел на неё.

— Проверить, на что ты способен. Научиться управлять своими навыками. И, может быть, раздобыть что-то, что поможет нам выжить дольше. Игнат сказал, что в шахтах есть инстанс — место, где система работает по-другому. Там можно получить опыт, артефакты. Ты сможешь понять, как работает твой класс.

Кирилл посмотрел на свои руки. Они больше не светились, но он чувствовал, что сила никуда не делась. Она ждала внутри, как зверь в клетке, и стоило ему испугаться или разозлиться — клетка распахнётся. Вчера он чуть не умер, потому что не мог контролировать эту силу. Сегодня он должен был научиться.

— Если я начну использовать навыки, они меня засекут, — сказал он, хотя понимал, что другого выхода нет.

— Игнат говорит, в шахтах система работает с перебоями. Архитекторы не следят за этим местом. — Алиса помолчала, потом добавила: — Но если ты создашь слишком много шума...

— Тогда они придут.

— Тогда мы будем далеко, — она встала, отряхивая штаны. — Или справимся. Как вчера.

Кирилл поднялся. Тело болело, мышцы ныли от вчерашнего бега, но двигалось послушно. Он оглядел станцию: у потухающего костра сидела женщина с ребёнком, укачивая его на руках, её лицо было усталым, но спокойным. Мужчина с татуировкой спал, прислонившись к стене, его грудь мерно вздымалась. Подросток с бритым затылком сидел в стороне, чистил нож и косился на Кирилла — в его взгляде было что-то похожее на зависть или страх. Игнат возился с рюкзаком, доставая какие-то свёртки.

— Возьмите это, — старик протянул им небольшой мешок. — Там сухари, вода, пара дымовых шашек. Если что — уходите сразу. Не геройствуйте. — Он посмотрел на Кирилла, и в его глазах было что-то, что Кирилл не мог прочитать. — Ты — наша надежда, парень. Не пропади там.

— Спасибо, — сказала Алиса, принимая мешок.

— И ещё, — Игнат понизил голос, оглядываясь на остальных. — В шахтах есть старый лифт. Он ведёт на второй уровень, где когда-то был склад. Там могут быть артефакты, но и тварей там больше. Не лезьте туда, если не уверены. Люди, которые туда ходили, не все вернулись.

Кирилл кивнул. Он чувствовал, как внутри нарастает странное спокойствие — не уверенность, скорее принятие. Ему предстояло идти в неизвестность, и почему-то это не пугало. Может быть, потому, что хуже, чем вчера, уже не будет. Может быть, потому, что он уже потерял достаточно, чтобы бояться потерять ещё.

Они двинулись в северный тоннель, и свет костра быстро остался позади. Тьма сомкнулась за ними, как вода.

Тоннель был шире, чем тот, по которому они пришли вчера. Своды поднимались высоко, теряясь в темноте, а стены были покрыты толстым слоем плесени, которая в свете фонаря казалась серой и пульсирующей, живой. Воздух стоял тяжёлый, спёртый, пахло гнилью и чем-то химическим — может быть, остатками того, что когда-то здесь хранили. Каждый шаг отдавался эхом, и казалось, что тоннель слушает их.

Алиса шла впереди, легко переступая через ржавые рельсы, обломки дерева, кучи мусора. Она двигалась бесшумно, и Кирилл заметил, что её шаги не издают звука — будто она не касалась земли. Или он просто не слышал за шумом собственного дыхания.

— Как ты находишь дорогу? — спросил он, чтобы нарушить тишину.

— Чувствую, — она не обернулась. — Интуиция подсказывает, куда идти. Сейчас — прямо, не сворачивая. Там, где тоннель расширяется, будет вход.

— И ты всегда ей веришь?

— Всегда. Она никогда не ошибалась. — В её голосе не было хвастовства, только спокойная уверенность человека, который знает, о чём говорит.

— А если ошибётся?

— Тогда мы умрём, — она сказала это так спокойно, будто речь шла о погоде. — Но это будет не ошибка интуиции. Это будет моя ошибка. Я неправильно её поняла.

Кирилл замолчал. Он смотрел на её спину, на тёмные волосы, собранные в пучок, на старую куртку, перепачканную грязью, и думал о том, что ещё вчера они были чужими. Соседи, которые здоровались на лестнице и не знали имён друг друга. Он вспомнил, как она проходила мимо, держась прямо, не сутулясь, как остальные нулевые. Он думал тогда, что она просто гордая. Теперь он понимал, что она была не гордой — она была свободной. Хотя бы внутри.

Через полчаса они вышли к огромному провалу в стене. Когда-то здесь был технический вход в шахты, теперь — зияющая дыра, из которой тянуло холодом и запахом сырой земли. Края провала были неровными, с торчащей арматурой, и казалось, что стена разорвана изнутри чем-то огромным. Над входом, выцветшей краской, было выведено: «Шахта №7. Опасно. Не входить». Буквы были едва видны, но предупреждение было ясным.

Алиса остановилась, прислушиваясь. Она закрыла глаза, и Кирилл увидел, как её лицо стало напряжённым, как она вслушивается в себя, в то, что было скрыто от обычных чувств.

— Здесь, — сказала она, открывая глаза. — Внутри.

— Ты чувствуешь что-то?

— Тишину. Слишком тихо для такого места. И... холодок в спине. — Она поёжилась. — Значит, опасность есть, но не смертельная. Пока.

Они вошли внутрь. Коридор за провалом был низким, с деревянными подпорками, некоторые из которых прогнили и наклонились, угрожая обрушиться. Кирилл старался не задевать их, но каждый шаг заставлял доски скрипеть, и казалось, что сейчас всё рухнет. Пол был усеян мелкими камнями, битым стеклом, остатками старой упаковки. Фонарик выхватывал из темноты стены, покрытые странными разводами — то ли солью, то ли грибком.

Кирилл чувствовал, как интерфейс начинает оживать, реагируя на что-то. Сначала лёгкое мерцание, потом на периферии появились красные линии — едва заметные, но они были. Он попытался сфокусироваться, и перед глазами всплыла строка:

[ОБНАРУЖЕНА ЗОНА НЕСТАБИЛЬНОСТИ]

[СИСТЕМА: РАБОТАЕТ С ПЕРЕБОЯМИ]

[РИСК ОБНАРУЖЕНИЯ: НИЗКИЙ]

— Здесь действительно плохо работает сеть, — сказал он, чувствуя, как напряжение немного отпускает. — Система предупреждает о переboях.

— Это хорошо? — Алиса оглянулась на него.

— Пока да.

Они прошли ещё несколько десятков метров, и коридор внезапно расширился, выведя их в большой зал. Здесь когда-то была насосная станция — Кирилл узнал ржавые насосы, трубы, уходящие в потолок, пульта управления с выбитыми экранами. На стенах висели плакаты по технике безопасности, выцветшие, с оборванными краями. В центре зала, на бетонном полу, светилось слабое голубоватое пятно — вход в инстанс. Оно пульсировало, как живое сердце, и от него исходил едва слышный гул.

Кирилл никогда не видел такого вживую. Только на старых картинках, которые показывали в новостях до того, как у него отключился интерфейс. Тогда это казалось чем-то далёким, нереальным, частью чужой жизни. Теперь он стоял перед ним, и его интерфейс реагировал, подтягивая информацию, которая складывалась в строки перед глазами:

[ОБНАРУЖЕН ИНСТАНС: ГНИЛЫЕ ШАХТЫ]

[РЕКОМЕНДУЕМЫЙ УРОВЕНЬ: 5–10]

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: СИСТЕМА НЕСТАБИЛЬНА, ВОЗМОЖНЫ СБОИ]

[АКТИВИРОВАТЬ?]

— Ты видишь это? — спросил он Алису, хотя знал ответ.

— Нет. Я вижу только голубое свечение. Там что-то есть?

— Вход в подземелье. Инстанс. Система спрашивает, активировать ли.

— Активируй.

Кирилл мысленно нажал «да». Пятно вспыхнуло ярче, расширилось, и воздух перед ними исказился, как над раскалённым асфальтом. В следующую секунду они стояли уже не в насосной, а в тёмном коридоре с низким потолком, где стены были сложены из грубого камня, а пол устилала мелкая серая пыль. Воздух здесь был другим — спёртым, сухим, и пахло только камнем и временем.

Позади мерцал выход — голубое пятно, которое, должно быть, вело обратно. Кирилл посмотрел на него, потом вперёд, в темноту.

— Здесь, — сказала Алиса, оглядываясь. Её голос звучал приглушённо, будто стены впитывали звуки. — Интуиция говорит, что это место не настоящее. Или не совсем настоящее. Но опасности здесь настоящие. — Она достала нож, и его лезвие блеснуло в слабом свете портала.

Кирилл активировал «Анализ». Мир перевернулся: стены стали полупрозрачными, красные линии побежали по трещинам, по камням, по потолку. Он видел структуру — линии кода, которые поддерживали этот иллюзорный мир. Они были слабее, чем в реальности, местами рваные, с ошибками. Где-то они обрывались, где-то переплетались в узлы, которые не имели смысла. Это было похоже на старую программу, которую никто не обновлял годами.

— Система здесь действительно глючит, — сказал он. — Я вижу баги. Если аккуратно, можно пройти.

Они двинулись вперёд. Коридор петлял, иногда разветвляясь, и каждый раз Алиса указывала направление, полагаясь на свою интуицию. Кирилл шёл за ней, держа «Анализ» активным, чтобы видеть ловушки. Его глаза болели от постоянного напряжения, но он не решался отключить навык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.